

Булат Окуджава назвал юбиляра белым крылом русской поэзии

# СВЕТЛЫЙ ПОЭТ В СВЕТЛОМ КОСТЮМЕ



**ВПРОЧЕМ, не ругал или не хвалил его только ленивый – за свою жизнь Илья Резнику довелось выслушать много слов в свой адрес. Приятные эпитеты принимал с благодарностью, на неприятные обижался – на то он и творческая личность! – но потом прощал: собака лает, а караван, как говорится, идет.**

Свой юбилей праздновал широко и тепло, на сцене Государственного Кремлевского дворца, в окружении самых любимых звезд и зрительского аншлага – лишний билетик люди спрашивали еще в подземном переходе. Ему 70 – но он потрясающе выглядит. В белоснежном костюме и с белоснежной улыбкой, вышел на сцену со своим монологом «Я сделал все, что мог»: о родителях и военном детстве, о поисках и неудачах, о том, как сам поставил «неудовлетворительно» актеру Резнику и ушел из театра – словом, вся жизнь в десятке четверостиший, вызвавших слезы.

Потом песни на его стихи ему, сидящему на сцене, пели гости: Николай Басков и Тамара Гвердцители, Валерий Леонтьев и Лайма Вайкуле – много именитых артистов. Разумеется, в полном составе присутствовало «легендарное трио» – Паулс, Резник и Пугачева. Море цветов и теплых слов, аплодисменты – словом, вечер удался на славу.

Подходить к юбиляру в тот же день не посмели – и так слишком много впечатлений. А на следующий день мы улетели домой. Но Илья Рахмизлевиц согласился на телефонное интервью. Почувствовав мою спешку – я старалась отнять у поэта поменьше времени, – по-отечески сказал: «Да вы не торопитесь – я лежу на боку, смотрю на цветочки, так что побеседуем».

**– Начну с банальности: какой подарок к 70-летию стал самым дорогим?**

– Пожалуй, телеграмма от президента, причем не сухая официальщина, а очень личное послание. Владимиру Владимировичу я дарил все свои книги, потому что, как оказалось, он любит мое творчество.

**– Оформляя приглашения на юбилей, говорят, на оборотной стороне вы написали четверостишие каждому гостю.**

– (Смеется). Это правда – место было свободное, а я не люблю это. Ну и, разумеется, кураж: за три

дня мне надо было написать 150 четверостиший, за которые не было бы стыдно впоследствии, ведь мои гости – люди не только уважаемые, но и разбирающиеся в поэзии: Станислав Говорухин, Эльдар Рязанов – не думаю, что им было бы приятно читать пошловатые вирши, поэтому надо было сочинить что-то приличное.

**– Выходя на сцену Кремля, вы знали о супераншлаге?**

– Еще нет, но уже слышал, что спекулянты продавали билеты на галерею за девять тысяч рублей.

**– Как к этому отнеслись?**

– Двойко: конечно, приятно, что кто-то готов отдать такие деньги. С другой стороны... Конечно, хотелось бы, чтобы ко мне пришли обычные люди – учителя, врачи... Ну что поделать – система спекуляции в театральном мире поставлена профессионально. А аншлагу я был рад – мне многие пытались потом сказать, что, мол, звезды пели – потому и собрал шеститысячный зал. А «Золотой граммофон», «Песня года»? – те же звезды в еще большем количестве, а аншлага нет. Я в юбилейные дни очень болел – с капельницей, врачами и так далее – только сейчас в себя прихожу. Но на сцене о болезни напрочь забыл.

**– Долг перед зрителями или эмоции излечили?**

– Наверное, огромная концентрация. Знаете анекдот о великом английском актере XVIII века Кинге? Призывает его к себе королева: «А вы могли бы провести со мной ночь, подобно Александру Македонскому?» – «Мог бы, ваше величество». В следующий раз королева просит провести ночь, подобно Гераклу, – и ночь состоялась. В третий раз королева спросила: «А могли бы вы провести со мною ночь, подобно актеру Кину?» – «Простите, ваше величество, но я импотент». Великая актерская концентрация, позволяющая забыть все недуги.

**– Человеческие отношения – это самое ценное, что есть в жизни? Или у вас другая жизненная постулат?**

– Это очень важно. Если у меня нет любви или хотя бы приязни к человеку, я не смогу с ним работать, каким бы талантливым он ни был, – это исключено.

**– Напрашивается вопрос: с кем из суперталантливых вы не стали работать по этой причине?**

– А попробуйте сами назвать су-

перталантливую человека, с которым я бы не работал.

**– Ну... навскидку – Олег Газманов.**

– Какой он суперталантливый! Да, он обласкан Юрием Лужковым, имеет звание народного артиста, но от его творчества я не в восторге.

**– А вы, оказывается, строги к людям!**

– Я очень справедлив, и порой моя даже не прямота, а прямолинейность мне мешает. Взять хотя бы случай с Киркоровым: я во всеуслышание заявил, что он был неправ в конфликте с «журналисткой в розовой кофточке». Причем, в то время я писал ему три новых песни – будь я прагматичен, я бы сказал то же, что Розенбаум и Кобзон, поддерживавшие Филиппа. Но я сказал правду, и был конфликт. Правда, потом Филипп нашел в себе силы извиниться передо мной.

**– Тем не менее, мнения о журналистах он не изменил!**

– Это другой вопрос. Кстати, мне тоже не по вкусу желтая пресса. Недавно напечатали отвратительные, жуткие фотографии Аллы Пугачевой – где она, проснувшись, без грима... По какому праву?

**– Газеты с такими фотографиями вмиг сметают с прилавков!**

– Да, у людей проявляется какой-то низменный, животный интерес – так зачем его воспитывать, потакать?

**– Обычно юбилей люди склонны рассматривать как некое подведение итогов жизни юбиляра...**

– Нет, у меня еще много энергии и, тьфу-тьфу, здоровья. Но, честно говоря, последние две книги меня очень радуют: «Квадрат четверостиший» и «Молитвы». Мои «Молитвы» благословил патриарх Алексей Второй, они получили высокую оценку духовных сановников, ее даже шутя называли «Евангелие от Ильи».

**– А вы написали бы нечто подобное раньше или для этого нужно было прожить жизнь?**

– Конечно, это опыт. У меня есть четверостишие: «Путь далекий держит Волга, и высок орла полет. Надо жить в России долго, чтоб тебя признал народ». Мне нравятся мое нынешнее моральное и психологические состояние, опыт, знания...

**– То есть нет в вас такого: эх, с моей-то башкой – да снова бы в 25 лет вернуться!**

– (Смеется). Нет. Мы дураками были в молодости. Сказать по чести, я в молодости завидовал детям из финансово и социально благополучных

семей. Потому что они не тратили столько времени на преодоление препятствий, с которыми сталкивался я. Если у них были способности, они шли к цели гораздо быстрее. А мне приходилось преодолевать редактуру, цензуру, «нечленство» в Союзе писателей, так называемый пятый пункт...

**– Многие деятели, гонимые по тому же принципу, поменяли фамилии и стали Ивановыми, Петровыми...**

– Мне Эдита Пыха однажды это предложила – мол, резко звучит: «Резник». В ответ я предложил ей поменять свою фамилию – к примеру, на «Броневицкая». И Эдита все поняла. Зачем мне быть Максимовым, Пупкиным... У меня есть своя фамилия, данная мне отцом – честным человеком.

**– Творцу приходится преодолевать не только официальные препоны, но и коллегальные дрязги – злословие, зависть... Но, судя по обилию вашего общения, вы сумели сохранить доброе отношение к коллегам.**

– (Смеется). Надо прощать. Актеры, поэты, певцы – они все очень ранимы, ревнивы, самолюбивы, как дети.

**– Долго эту мудрость постигали?**

– Нет, я и в молодости спокойным был по этому поводу: что поделать? К тому же, многие меня ценят. Вот Алла Пугачева в интервью на днях сказала обо мне: «Что с него возьмешь: гений – он и есть гений». Или на приеме у меня Владимир Жириновский цитировал мои стихи, которые я и сам позабыл. Назвал меня единственным современным русским поэтом. Слышать это было приятно, но немного неловко.

**– И много вы своих стихов забыли?**

– (Смеется). Я вообще ничего не помню. Я ведь рукопись своих «Молитв» потерял! Это было какое-то наитие, мне эти стихи пришли свыше. Целую неделю я их записывал – и потерял! Слава богу, мне до этого ночью позвонил художник моей книги Игорь Каменев – я ему читал «Молитвы», а он записал их на диктофон. И мы вместе расшифровывали эту ночную запись.

**– Какой внутренний стержень надо иметь человеку, чтобы в 70 лет не растерять душевной и внешней молодости?**

– Человек должен светиться изнутри. А если он пожирает себя злобой,

завистью и ревностью, он стареет и умирает рано.

**– Что из своей жизни вы бы вычеркнули, а от чего – пусть даже плохого – не откажетесь ни за какие коврижки?**

– Да, пожалуй, ни от чего не откажусь. Хорошее грело, плохое закаляло: борьба с препонами, с теми, кто не пускал, не верил, – это и есть жизнь. Сейчас Иосиф Кобзон считает своей главной песней «Мой путь» – я написал стихи на музыку Пола Анки из репертуара Фрэнка Синатры «...любовь врага и зависть друга...» Послушайте ее, там обо всем сказано.

**– Вы занялись конкурсом среди детей и молодежи «Маленькая страна». Зачем он вам? Социальные проекты очень затратны – и по моральному истощению, и по финансовым вложениям.**

– Точно! Два года мы находили деньги, а в этом году сил кланяться не было – и конкурс не состоялся. Все детские фестивали – не хочу их оскорблять, но они занимают поборами: плата за дорогу, проживание, какие-то взносы... Я считаю, что дети платить не должны. Мои победители получают солидные премии в полторы тысячи долларов, конкурс проводится на самом высоком уровне, лауреаты выступают на правительственных концертах. Или мой фестиваль «Служить России» – в этом году хочу сделать в Кремле седьмой большой концерт ко Дню Победы – со звездами, подарками ветеранам...

**– Журни «Маленькой страны» – великие люди: Элина Быстрицкая, Максим Дунаевский с удовольствием приняли ваше предложение?**

– Да.

**– Значит, вы думаете, таланту надо помогать?**

– Да, но это должна быть государственная программа, а не помощь нескольких энтузиастов. Я вообще не люблю просить. Единственное, что просил, – денег для детей.

**– Последний вопрос: поговорив со мной, вы даже не спросили, откуда у меня ваш телефон. Вы всегда столь доверчивы к людям?**

– К сожалению. Представляются солидной газетой, а оказывается, это желтая пресса. Ну, в следующий раз я не буду с ними работать. С негодьями не хочу иметь ничего общего.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.  
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.  
Москва–Магнитогорск.